

А.С. Чирков
доктор філологічних наук, професор, академік АН ВО України
Житомирський державний університет імені Івана Франка

Почему «стонали часы»? Или о потаенном смысле рассказа Шолом Алейхема «Часы»

У статті запропоновано авторське розуміння ідейного сенсу оповідання Шолом Алейхема «Годинник».

В статье предлагается авторское понимание идейного смысла рассказа Шолом Алейхема «Часы».

The article presents the author's understanding of the ideological meaning of Sholom Aleichem's short story «The Clock That Struck Thirteen».

«Часы пробили тринадцать...» Нет, это не фантом. Не фантазия воспаленного ума. Это было на самом деле: часы реб Нохума пробили тринадцать. Не больше и не меньше. Часы, по которым жила Красилровка и по которым сверял свой хронометр сам Лейбуш-философ, начали показывать неправильное время. Они испортились...

А может быть что-то случилось с самим Временем?

Шолом Алейхем, который никогда не стремился напяливать на себя тогу философа, не мог не размышлять над сущностью бытия, не мог не задумываться над простым и трагичным в своей простоте вопросом: жить всегда и всем трудно, но почему этот труд для еврея превращается в непосильный? Почему жизнь для еврея превращается в бесконечное выживание?

Подобные вопросы не встают перед юношами, которые только вступают в жизнь: в молодости не до философии. Молодость пора чувств и страстей. Но они, эти проклятые вопросы быта и бытия, неизменно и с какой-то роковой неумолимостью возникают перед теми, кому время и пережитое не посеребрили, нет, – окрасили в белый цвет не волосы – душу.

Шолом Алейхему оставалось прожить в этом мире всего шестнадцать лет, когда он рассказал простую историю о том, как сломались часы реб Нохума.

«Конец часам, произносит побледневший отец, низко опустив голову, словно перед ним лежит покойник. Отец ломает руки, и слезы стоят у него в глазах. Я смотрю на отца, и мне тоже хочется плакать».

Так писал Шолом Алейхем в рассказе «Часы». В рассказе, который почему-то считается детским, хотя в нем – трагическая история народа, никогда не терявшего своего лица в истории, не смотря на жертвы, принесенные на алтарь этой истории.

Итак, шел 1900 год. Начало нового века никогда не бывает спокойным: старые времена уходят в вечность, новые наступают. Что было – известно, что будет – покрыто тайной еще не состоявшегося времени. И это неведение порождает тревожное ожидание грядущих перемен, которые (как этого хочется!) приведут к тому, что завтрашний день наконец-то будет лучше и светлее вчерашнего. Люди всегда живут ожиданием чуда, которое вот-вот свершится. Но не всегда ожидаемое, становится частью исполненного, состоявшегося. Скорее всего, вечно вчерашнее так и остается вечно ожидаемым. Ибо невозможно реализовать то, что лежит за пределами возможного...

Шел 1900 год... Год написания Шолом Алейхемом «Часов», «Ножика», «Флажка», «Ханукальных денег» – рассказов-притч, в которых был запечатлен мир Красиловки – этого еврейского «рая», который за печально знаменитой чертой оседлости превращался для людей живущих в этом раю в сущий ад. В этом раю свирепствовал туберкулез, а еврейские матери с поседевшими от боли глазами смотрели на заходящихся от чахоточного кашля своих детей.

Так и появляется в рассказе «Грошок» Ента Куролапа – шолома-лейхемовский вариант древнегреческой Персифоны, только спустившейся с Олимпа на эту грешную и забытую Богом землю. У Енты, у этой несчастной женщины, муж умер от чахотки, а ее единственное солнышко, ее «сынеле», ее «хайес», ее Давид болен не менее тяжело. Вот и варит бедная Ента ему «юх», полагая, что это обязательно поможет сыну.

Так возникает не выдуманный, а выхваченный из самой жизни рассказ об Иосифе, который «сам знает, что все на счете должно кончаться», а посему не ждет, когда слушающие его достанут часы, чтобы оборвать его исповедь перед казнью.

Задевает за самые тонкие струны человеческой души трагическая история «И о селе соловья» – история загубленного таланта. В отгороженном от огромного мира еврейском гетто явно было не до соловьев.

И уж совсем грустно звучит сентенция «мальчика Мотла», исповедующего безысходную в своей оголенной трагичности философию: «Мне хорошо – я сирота». Философию одинокого человека, которому только и остается, смеясь рыдать, не пуская в своё одиночество никого: ведь трагедия его – это только, увы, его трагедия. Остальные могут в лучшем случае пожалеть сироту, чтобы через минуту, забыв о его существовании, залиться беззаботным смехом.

Да, говорят, Горький «смеялся и плакал», читая эту «чудесную книгу». Только вот мальчику Мотлу было все-таки не до смеха, ибо перед ним был мир, в котором сироте холодно и тяжело, неуютно и больно. Особенно, если этот сирота – еврейский мальчик. Быть изгоем всегда не легко. Быть изгоем в родном отечестве – просто невыносимо. Вот и иронизирует мальчик Мотл над своим сиротством, чтобы над ним не смеялись другие...

И уж совсем надрывно в своей исповедальной трагичности зазвучит история Тевье – молочника, потерявшего в конечном итоге все, что можно было потерять. Одна дочка (Годл) уходит с Перчиком в далекую ссылку. Хава выходит замуж за не-еврея (а ведь, как верил Тевье в то, что весь мир делится на евреев и на не-евреев). Шпринца кончает жизнь самоубийством, а кроткая Белка, чтобы обеспечить старость отца, выходит за богатого, но нелюбимого. Верная же Голда – жена Тевье – умирает от горя, ибо смерть для нее – избавительница.

И начертает едва ли не в отчаянии Шолом Алейхем слова, которые будут звучать как реквием надежде и самой жизни: «Растет в лесу дерево, дуб... Приходит человек с топором, обрубают ветвь, другую, третью... К чему дерево без ветвей, – возьми уж лучше, сын человеческий, подруби все дерево... Зачем голому дереву в лесу торчать?».

Так и состоится у Шолом Алейхега трагедия отца, потерявшего самое дорогое в его жизни – семью, детей. И трагедия Тевье сродни трагедии шекспировского Лира. Только у Шолом Алейхега такую трагедию переживает не король, неразумно распорядившийся своими землями, а маленький человек из забытого Богом, но не забытого погромщиками еврейского местечка. Но от этого ведь трагедия не перестает быть трагедией. Напротив, она сильнее поражает человеческое сердце, ибо большинство живущих, по большому счету, маленькие люди, которым, а не которые творят историю. И такая история не считается с маленькими людьми. Она их просто не замечает...

Когда-то и кто-то сочинил легенду о лирическом характере произведений Шолом Алейхега, истолковав таким образом негромкость

его интонаций. Лирическое, личностное начало в произведениях Шолом Алейхема, безусловно есть. Но это – всего лишь одежды для его трагического видения и восприятия жизни. Трагизм Шолом Алейхема не громогласен, не надрывен. Он – тих. Но именно поэтому он такой болевой. Ведь он – плоть от плоти трагедии еврейского народа, вечно находящегося в рассеянии и так же вечно мечтающего о воссоединении.

Как-то гениальный еврейский актер Михоелс, рассуждая по поводу упомянутого нами рассказа «Часы», заметил: «Как известно, часы пробили тринадцать после того, как на гири навесили всякий домашний скарб и перегрузили их. На первый взгляд смешно. Через минуту – фантастично. А несколько позже понимаешь, что часы окаменелого быта пришли в негодность, что они не могут больше ударами и звоном чеканить минуты и часы точного времени». Великий Михозлс сказал то, что мог сказать – в 1939 году...

Шолом Алейхем – писатель и мыслитель, а, точнее, мыслитель и писатель, для которого изображение быта еврейского местечка – это лишь повод для создания философских притч о свете и тьме, добре и зле, радости и горе, святости и греховности, рае и аде.

Вспомним, когда именно сломались часы у реб Нохума...

«Свечи оплывают. Тени ползут по стене, взбираются все выше и выше. Семечки трещат, люди мирно беседуют, рассказывают истории о том о сем, просто так, каждая история сама по себе. Больше всех говорит тетя Ента.

– Постойте! – восклицает она. – Недавно случилась история еще почище. Недалеко от Ямполья, версты за три, разбойники напали на корчму, целую семью вырезали, даже малое дитя в люльке – и то не пощадили. Уцелела только служанка, которая спала в кухне на печи; услышав, что кричат. Она, служанка эта, спрыгнула с печи, посмотрела в дверную щель, и увидела она, служанка эта, на полу зарезанных хозяина и хозяйку. А крови – река целая...».

Вот после такого рассказа и сломались часы реб Нохума.

В искусстве, особенно в искусстве великих мастеров, ничто случайно не происходит. Ведь художник, по точному определению Гюстава Флобера, «должен присутствовать в своем произведении, как Бог, во вселенной: быть вездесущим и невидимым».

Шолом Алейхем из этих, из первородных художников, которые властвуют в своих творениях. Он властвует настолько, что в безыскусном рассказе Енты непредубежденный читатель слышит стоны тех

380 тысяч растерзанных во время погромов евреев (около 40% общей численности), которые жили в Европе до 1500 года.

В сумерках этого жутковатого вечера рассказов, пробуждалась генетическая память еврейского народа, вечно гонимого и третируемого, оболганного и лишенного родной земли. В таких воспоминаниях всплывали картины первых погромов в России 1821, 1859, 1871 годов. В них слышны были отзвуки погромов и 1881–1883 годов. Ведь именно в эти окровавленные приснопамятные годы впервые еврейские погромы приобрели массовый характер. Они охватили территорию на юге и юго-востоке Украины, а затем перекинулись в Елисоветград и Полтаву, в Черниговскую, Волынскую и в Подольскую губернии, в Херсон и в Киев.

За безхитростным рассказом Енты стояло предощущение жутких кровавых расправ с евреями в Одессе в октябре 1905 года, когда погибло около 500 человек. Это тогда на улицах города, как писали «Киевские отклики», лежали «дети, разорванные на части, без ручек и ножек, женщины с отрезанными грудями, вспоротым и выпотрошенным животом...». Это именно тогда один из полицейских чинов цинично заявил: «Захотели они (еврей) свободы, – вот мы их уложим две-три тысячи, тогда они будут знать, что такое свобода».

Вот такая не простая история... Не потому ли и сломались часы у реб Нохума, что услышали этот рассказ, навевающий воспоминания совершенно не ностальгического характера тетушки Енты о разбойниках, убивших еврейскую семью...

И не потому ли и сам рассказ о сломавшихся часах завершился совершенно неожиданным признанием его творца: «Всю ночь после этого мне снились часы. Я видел: наши старые часы лежат на полу, одетые в белый саван. Я видел: часы идут, но вместо маятника болтается из стороны в сторону длинный язык, человеческий язык. И часы не бьют, а стонут, и каждый их стон отзывается во мне болью...».

Часы всегда стонут, когда люди калечат время. И в этом высший, потаенный смысл рассказа-притчи Шолом Алейхема.

Список использованных источников и литературы

1. Шолом Алейхем. Часы // Шолом Алейхем. Собрание сочинений / Шолом Алейхем. – Т. 5. – М., 1961. – С. 385.
2. Михозлс С.М. Статьи. Беседы. Речи. Воспоминания о Михозлсе / С.М. Михозлс; вступ. ст. К.Л. Рудницкий. – М., 1965. – С. 171.
3. Шолом Алейхем. Часы // Шолом Алейхем. Собрание сочинений / Шолом Алейхем. – Т. 5. – М., 1961. – С. 393.
4. www.hrono.info/organ/rossiya/pogromy.html
5. www.eleven.co.il/article/13251
6. Еврейская энциклопедия. – С-Пб., 1908–1913. – Т. 12. – С. 65-68.
7. Киевские Отклики. – 1905. – № 289. – режим доступа: www.pseudology.org/
8. www.pseudology.org/
9. Шолом Алейхем. Часы // Шолом Алейхем. Собрание сочинений / Шолом Алейхем. – Т. 5. – М., 1961. – С. 395.